

РАССКАЗЫ

ПОЛТЕРГЕЙСТ

Элеонора Дмитриевна Курошупова, заместитель главы администрации района по социальным вопросам, а заодно и главный архитектор, приняла уже вторую таблетку цитрамона, хотя и было-то всего полдесятого утра. В голове стучала барабанная дробь, вернее, стук раздавался где-то рядом, но столь часто, что Элеоноре Дмитриевне казалось, будто стучит ее мозг, пытаясь вырваться наружу. Черепушка госпожи Курошуповой раскалывалась не на шутку.

— Зина, — склонилась Элеонора Дмитриевна к селектору. — Вызови мне, пожалуйста, врача из поликлиники. Лучше Нину Крапивную, если свободна. Пусть заскочит поскорее.

— Так плохо, Элеонора Дмитриевна? — посочувствовала в ответ секретарша.

— Мочи нет, Зина, просто ужас какой-то. Выть прямо хочется, а причину не пойму.

— Сейчас полнолуние, Элеонора Дмитриевна, у многих так. Вот и у моего пса Мефистофеля то же: как взбесился, на цепи сидит и целыми ночами воет и воет! Всю душу вымотал.

— Ну что ты сравниваешь меня с каким-то Мефистофелем, Зина? — возмущенно нахмурила брови Курошупова. — Я же не дворняга какая-то.

— Да нет, что вы, Элеонора Дмитриевна, конечно, не дворняга! Просто я про то, что и собаки тоже воют. Чуют, видать, что-то.

— Что чувствуют, Зина?

— Ну, что-то нехорошее, — раздался из селектора боязливый шепот секретарши. — Потустороннее.

— Ой, прекрати уже, Зина! Какое здесь, в здании бывшего райкома партии, потустороннее может быть? Не говори глупостей.

Минут через сорок дверь госпожи Курошуповой отворилась, и в кабинет вошла врач-терапевт местной поликлиники Нина Крапивная.

— Что случилось, Элеонора Дмитриевна? — уселась она напротив главной архитекторши.

— Не могу больше, Нина! Голова лопается, ей-богу, внутри все стучит и стучит, сил никаких нету. Я уже и цитрамон пью пачками, и анальгин — ничего не помогает.

— И давно так-то? — вытащила из сумки тонометр врачиха.

— Может, с неделю, а может, с месяц или того больше, — тяжело вздохнула Курошупова. — У меня вообще такое ощущение, Нина, что всю жизнь.

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член СПР. Автор трех книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат издания «День литературы» (Москва). Публикации в журналах «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Подъем», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса» и многих других. Участник 45 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

- И что, постоянно так?
- В том-то и дело, что нет. Только на работе. Дома-то все в порядке.
- Хм, странно, — закончила проверять давление у Курошуповой Крапивная. — С давлением у вас все в порядке. Вот в других кабинетах, так там и давление прыгает.
- А что, я не одна на эти стуки в голове жалуюсь? — насторожилась Курошупова.
- Нет, вы не первая.
- А кто еще?
- Председатель ЖКХ Кочетов Валерий Павлович, председатель собеса Валентина Ивановна, первый замглавы Анатолий Михальч Суриков, ваш юрист Вольский, сам Фрол Петрович Чуриков, да и другие обращались несколько раз за последнюю неделю за помощью.
- Да ну?
- Вот вам и «да ну». Прямо эпидемия какая-то неизвестная на слуг народа напала.
- Издеваешься? — нахмурилась Курошупова.
- Что вы, Элеонора Дмитриевна, — устало отмахнулась врачаха, — очень нужно. Просто странно все как-то: температуры ни у кого нет, давление у большинства в пределах нормы, а в головах стучит неизвестно по какой причине. Мы ведь уже и анализы кое у кого из ваших взяли.
- И что?
- И ничего, — развела руками Крапивная. — Все в норме, все в порядке.
- А может, у вас там с оборудованием чего-нибудь того, с приборами? — вопросительно покосилась на тонометр Курошупова.
- Да все у нас в порядке с приборами, — вновь отмахнулась Крапивная и вдруг спокойно заозиралась по сторонам. — Это у вас тут явно что-то не в порядке.
- В смысле? — насторожилась Элеонора Дмитриевна.
- Так в том и смысле, что что-то неладное у вас тут происходит.
- Где «тут»?
- Ну, Элеонора Дмитриевна, тут — это значит тут, в администрации.
- Не поняла, — беспокойно заерзала в кресле Курошупова. — Объясни, Нина.
- Ну, я не знаю, — стушевалась врачаха. — Как-то неудобно вроде и говорить об этом.
- Говори, коль начала, — вмиг посуровела Элеонора Дмитриевна, почувствовав неуверенность в собеседнице.
- Не поймите меня неправильно, Элеонора Дмитриевна, но коль медицина объяснения вашей эпидемии дать не может, а мы дать его действительно не можем, то, видать, тут что-то другое замешано.
- Что «другое»? — вновь заерзала в кресле Курошупова.
- Ну, что-нибудь из параллельного мира, — выдохнула из себя Крапивная.
- Ты в своем уме, Нина? Ты прямо как моя Зинка, чушь городишь, — расхохоталась Курошупова и тут же схватилась за голову обеими руками, скорчив болезненную гримасу.
- Стучат? — сочувственно прошептала врачаха.
- Кто? — скривила рот архитекторша.
- Они, — показала глазами в дальний угол кабинета Крапивная.
- Тьфу ты! — повысила голос Курошупова. — Что за бред? Вот что, иди-ка ты, Нина, в свою поликлинику от греха подальше, а то ведь я для тебя сейчас «неотложку» вызову.
- На следующий день, лишь только Элеонора Дмитриевна вошла в свой кабинет, в голове у нее вновь раздалась барабанная дробь, и почти одновременно с ней зазвучал по селектору голос секретарши Зиночки:

— Элеонора Дмитриевна, вас просит Фрол Петрович к себе в кабинет через пять минут.

— Хорошо, Зина, уже иду.

В кабинете у главы районной администрации собрались все заместители Фрола Петровича и другие должностные лица.

— На повестке дня один вопрос, — пряча глаза в кипу бумаг, нерешительно начал Фрол Петрович. — И вопрос достаточно скользливый.

Все присутствующие настороженно посмотрели на своего руководителя.

— До меня дошли слухи, что у кое-кого из сотрудников нашей администрации постоянно стучит голова на рабочем месте, что, конечно же, мешает качественно работать и выполнять государственные планы.

За длинным столом прозвучал возмущенный ропот, и собравшиеся подозрительно стали коситься друг на друга.

— Тихо, товарищи господа, тихо! — поднял кверху руку Фрол Петрович. — Я не доказываю, что стучат именно ваши головы, но сигнал такой имеется, и я должен на него реагировать с мерами воздействия по данному стуку.

— Правильно, Фрол Петрович, — угодливо подал голос его первый зам Суриков. — Давно надо разобраться со всякими там бездельниками и тунеядцами. Глаза к вечеру зальют, а с утра у них головы трещат, стуки мерещатся.

— Это ты на кого намекаешь? — вскочил со стула зав ЖКХ Кочетов, сверля мутными покрасневшими глазами Анатолия Михайловича. — На меня намекаешь?

— Почему сразу на тебя? У нас, что, кроме тебя, никого других нету? — заволновался Суриков, боязливо придвигаясь поближе к Фролу Петровичу. — На стукачей я намекаю, которые стучат. Тьфу! На которых стучат. Тьфу! У которых все стучат.

— Это кто тут стукачи? — побагровел лицом прокурор района. — Это мы тут стукачи? Это у нас, что ли, все стучат? Вы это бросьте тут ваши грязные намеки! Это вам не сталинские времена.

— Ша, я сказал! — ударил по столу кулаком Фрол Петрович. — Не фиг тут демократить, развели базар-вокзал. Сейчас речь не о стукачах. Если б в этом смысле, то это тьфу, — каждый день такого стуку целая папка. И ничего, от этого голова не стучит. А вот стучит же сволочь какая-то, и так стучит, что прямо башка пухнет!

Все испуганно притихли, глядя на разъяренного шефа.

— Так о чем это я? — чуть сбавил тон Фрол Петрович, увидев съжившуюся аудиторию. — А, до меня также дошли стуки. Тьфу, слухи, что те, у кого головы постоянно стучат, уже обращались за помощью к врачам, и не только.

— А к кому еще? — осторожно полюбопытствовала председательша собеса Валентина Ивановна.

— К знахаркам, эстрасенсам, даже к колдунам и повитухам.

— А что, кто-то уже рожать от стука собрался? — ехидно прозвучало из-за стола. — Прямо чертовщина какая-то творится!

— Да, согласен, это черт знает что, — нахмурившись, продолжил Фрол Петрович, не заметив издевки. — И вот чтобы это «черт знает что» прекратить раз и навсегда, я решил пойти на главный шаг — вызвать МЧС и специалистов по полтергейсту, чтобы убрать эту проблему, пока она до области не дошла и до губернатора. Ему-то за чем наша головная боль? Согласны со мной, товарищи?

Лес рук взметнулся над столом.

— Единогласно.

После обеда все помещения администрации подверглись тщательному обследованию со стороны специалистов МЧС и каких-то загадочных людей во всем черном со странными приборчиками в руках, похожими на мини-пылесосы и мини-миксеры.

— Мы ничего не обнаружили, — отрапортовал через три часа Фролу Петровичу начальник МЧС и удалился.

— Есть явное наличие злобного полтергейста, завязанного на параллельные миры, — констатировали люди в черном. — Их присутствие выбивает ваших сотрудников из колеи, не дает им полноценно трудиться на благо района, доводит почти до иступления, до сумасшествия, до страха в глазах и ужаса в теле.

— И что же нам делать? — растерянно моргал глазами Фрол Петрович.

— Тут мы бессильны — слишком злобный полтергейст, практически дьявольский, очень ужасная аура. И самое главное: присутствие его ощущается везде, особенно в коридорах. Единственный совет: пригласите батюшку. Пусть он окропит святой водой помещения и молитвами изгонит бесов из администрации.

Весь вечер, всю ночь и все следующее утро приглашенный из церкви Николая Угодника отец Кирилл читал молитвы против бесовского присутствия. Ходя из кабинета в кабинет, батюшка кропил святой водой стены, не забывая при этом и о коридорах, на которые обратил особое внимание Фрол Петрович, давая указания священнику перед изгнанием дьявольского полтергейста.

К обеду стук в головах чиновников прекратился.

— Ну как съездил, Василич? — поинтересовались односельчане у сошедшего из рейсового автобуса хромого пенсионера. — Достучался до начальства?

— А, — безнадежно махнул рукой щуплый старик, опираясь на палку, — ну их всех к бесу, больше ноги моей там не будет! Две недели почему зря каждый день туда мотаюсь, а так ни до кого и не достучался.

— И то верно, стучаться к ним бесполезно. Сами сколько раз туда ездили то по одному, то по другому, и все без толку — нечего не добиться, будто не рядом живут, а где-то в параллельном мире. А ведь, помнится, при Советах такого и близко не было, чтоб не достучаться.

— Точно. При Советах по первому стуку реагировали. А сейчас... Одно слово — «полтергейст», как говорит моя старуха, — сплюнул на землю Василич и, опираясь на палку и прихрамывая, поковылял к своему убогому домишке.

ПОСЛЕДНЯЯ ДУРА

Алкоголик-инвалид Колька Цыган, хоть только-только подступил к шестому десятку, выглядел на все восемьдесят. Опираясь на самодельный костыль, ноги передвигал с трудом, голова постоянно тряслась, будто после сильнейшей контузии, руки ходили ходуном. Колькино небритое неделю землистое лицо напоминало перепеченное яблоко. Глаза — две узкие щелочки, бесцветные и вечно злые. Колька только и делал, что жаловался собутыльникам на несправедливую жизнь да на свои болячки, на вороватую власть да на жадных соседей. А вот на память не грешил: все обиды и несправедливости в голове хранил и никому их не прощал, и только случай подворачивался, тут же назад возвращал с большими процентами — кому сплетнями да наветами, кому вредительством да мелкими пакостями, а над слабыми так просто открыто издевался.

Особенно доставалось прежней «классухе» Цыгана, Александре Ивановне. Александра Ивановна была старше Кольки лет на пятнадцать и памятью очень страдала, сердечная. Зная этот недостаток, Колька ее возраст снивелировал до своего и тыкал ей при встречах, будто ровне.

— А помнишь, Шурка, как двойки мне ни за что ставила? Забыла? А я не забыл, век помнить буду, память-то у меня крепче твоей.

— Так, верно, не учился ты, Ванечка, вот и ставила, — шурилась подслеповатая старушка на бывшего ученика.

— Какой я тебе Ванечка? Совсем крыша у тебя поехала. Николай я, для тебя Петрович, — дышал перегаром на Александру Ивановну инвалид. — Отличником я был по всем предметам, у тебя токо двойки маял по несправедливости. Ни стыда в тебе, ни совести.

И Александра Ивановна начинала плакать от стыда за то, что несправедливо обижала отличника Николая Петровича, выставляя ему понапрасну двойки.

Другой раз, подкараулив Александру Ивановну у сельмага, Колька наседавал на нее:

— Че, Шурка, за собачим кормом пришла?

— За каким собачим кормом, Антоша? Нет у меня собаки вовсе, — удивлялась вопросу старушка.

— Шурка, совсем ты безмозглая стала. Где ты Антошу-то увидала, а? Николай я, для тебя Петрович, вот и зови так, с полным уважением, — поправлял в кармане старой дубленки бутылку дешевого вина инвалид. — Кто ты такая, чтоб мне тыкать, а? Кто ты вообще на свете есть предо мной? Нищета ты последняя, голь перекатная.

— А чего нищета? — возмущалась бывшая учительница. — И не нищета никакая, вот и пенсию получаю.

— Какая пенсия там у тебя, разве ж это пенсия? Тьфу это, а не пенсия! — плевал под ноги Александре Ивановне деревенский пакостник. — Вот скоко ты в своей школе годов отпахала, скажи?

— Не помню уже, — пыталась сосчитать старушка, — вроде как пятьдесят, а может, и больше.

— Ага, пятьдесят, — торжествующе кивал Колька, — и ни фи́га не заработала! Хватает токо на кашу да молоко с хлебом, ну еще на сосиски собачьи, вот и все твое счастье. Это тебя Бог наказал. Знаешь почему?

— Почему, Николай Петрович? — волнуясь, переспрашивала Александра Ивановна.

— Потому что меня гоняла почем зря да моему папаше ябедовала про то, чего и отродясь не бывало. И не совестно тебе после этого в глаза мне смотреть? — корил бедную старушку инвалид. — Знаешь, как меня батька лупцевал? Сто шкур с меня снимал после твоей ябеды. Ни сидеть, ни лежать неделями не мог, живого места не было. А все из-за твоей напраслины.

И Александра Ивановна вновь плакала от жалости к Кольке и от мучений совести на напрасно оболганного ею страдальца.

— А знаешь ты, Шурка, что моя пенсия в три раза поболее твоей будет, хоть ты и полвека пропахала, а я и дня не работал? — пьяненько подмигивал Колька, встречая Александру Ивановну на пороге почты в день выдачи содержания.

— А как так, Сережа? — искренне удивлялась старушка. — Разве можно-то получать в три раза больше, когда и вовсе уж не работал?

— Какой я тебе Сережа, старая карга, я тебе по чину Николай Петрович. Совсем память потеряла.

— Прости меня, Николай Петрович, — винулась перед пьяницей забывчивая пенсионерка, — не признала сразу.

— То-то, — снисходительно ухмылялся инвалид, — а то Сережа какой-то... Вот потому и пенсия у тебя никакая, что памяти нет. Слыхала поговорку про то, что работа не волк, или про то, что она только дураков любит? Вот ты, Шурка, и есть эта самая дура. Работала, работала, а денег не заработала. А я не работал, а денег маю, тебе

не чета. Могу хоть винцо, хоть водочки, а могу и коньяк «Белый аист» в пять звезд или шампанское. И торт с конфетами могу, и зефиры в шоколадах, если захочу. А ты что? Кашку пшеничную да хлебца с собачьей сосиской и молоком каким из химии — вот и вся твоя радость.

И Александра Ивановна опять плакала от того, что, как дура, работала всю жизнь и ничего не заработала. А надо было, как Колька, не работать, тогда и тортик ела бы с конфетами, и колбасу «Докторскую» с белым хлебом и маслом, а может, и того больше — куда бы к теплему морю съездила, мечта всей жизни.

— А чего это тебе, Николай Петрович, почет-то такой? — уважительно интересовалась старушка.

— Так я ж, Шурка, инвалид полный по военной линии. Герой, значит, — выпячивал грудь Колька.

— Герой! — восторженно смотрела на алкоголика Александра Ивановна.

Колька никому не рассказывал, как на «срочке» заработал свою инвалидность. Призвали Цыгана в афганскую кампанию, ну и направили сначала в учебку куда-то под Ташкент, а потом и за речку в район Кандагара. Через пару недель после прибытия на место службы выменял Колька часы на спирт, напился в одиночку и уснул прямо на дороге. В темноте по ногам БТР и проехал. Одну Колькину ногу хирургам удалось спасти, а вот другую нет. Отрезали солдату ступню и комиссовали по-быстрому, выправив боевые документы, чтоб разборка инцидента не проводить и командование части под удар не ставить. Так и стал Цыган героем-инвалидом, постепенно перекочевав в алкоголики, пенсию-то приличную положили.

— Да, герой, — подбоченивался Колька, задирая небритый подбородок.

И Александра Ивановна опять плакала — теперь от гордости за Кольку.

— Дура ты, Шурка, — довольно улыбался Цыган, открывая дверь почтового отделения, — дура ты последняя.